

Д.О. Труфанов

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ
КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ. ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЙ
(УНИВЕРСУМНЫЙ) ПОДХОД

Монография

Институт педагогики, психологии и социологии

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

Дмитрий Олегович Труфанов
Рациональность как
фундаментальная
характеристика социальных
систем. Постнеклассический
(универсумный) подход

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40130104

Рациональность как фундаментальная характеристика социальных систем Постнеклассический (универсумный) подход монография: ISBN 973-5-7638-2860-3

Аннотация

В монографии представлены основные результаты исследования проблемы рациональности с позиций постнеклассического (универсумного) социологического подхода. Предложена общая дефиниция рациональности, выделены типы рациональности, сформулирована универсумная социологическая теория рациональности. Предназначено для студентов гуманитарных специальностей, а также социологов, философов и других специалистов, интересующихся данной проблематикой.

Содержание

Введение	4
§1. Проблема дефиниции рациональности: современное состояние	18
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Д.О. Труфанов
Рациональность как
фундаментальная
характеристика
социальных систем
Постнеклассический
(универсумный)
подход монография

Введение
Рациональность как
теоретико-методологическая
проблема в социологии

Проблема рациональности в течение долгого времени дискутируется в философской и социологической литературе. При этом, если в рамках философского дискурса данная

проблема получила подробную разработку в ряде фундаментальных концепций, то социологическое осмысление рациональности больше ставит вопросов, чем предлагает решений. Социологическим осмыслением рациональности следует называть ее интерпретации как эмпирически конкретного явления, связанного с деятельностью и взаимодействием социальных акторов, а также с существованием и развитием человеческого общества¹. Потребность в социологическом осмыслении рациональности актуализировалась в конце XIX – начале XX в., в период позитивистской секуляризации «Разума», когда понимание разума как трансцендентного субъекта в отвлеченно-абстрактной форме трансформировалось в его интерпретацию как конкретной характеристики деятельности и поведения людей. Как отмечает Ю.Н. Давыдов, в этот период произошла замена «Божественного разума» на разум человеческий, сведенный к простой способности индивида поступать целесообразно, пребывая в здравом уме и твердой памяти². Понимание разумности как целесообразности легло в основу теории рациональности М. Вебера – одной из первых социологических теорий рациональности. Дальнейшие попытки социологического осмыс-

¹ В отличие от социологического, философское осмысление обсуждает рациональное как сверхчувственное, внеэмпирическое, имеющее собственные законы существования и развития. (Семенов В. В. Основы рациональности. Антропологический вектор философии. – Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2003.)

² Давыдов Ю.Н. М. Вебер и проблема интерпретации рациональности // Вопросы социологии. – 1996. – Вып. 6. – С. 71–77.

ления рациональности явили нам многочисленные ее концепции, основанные на различных, часто далеких друг от друга, признаках. Сегодня в качестве таких признаков используются всевозможные частные содержания реальности, а также разные варианты их синтеза – целесообразность, эффективность, законосообразность, теоретическая осознанность и упорядоченность, нормативность (стандартизованность, конвенциональность), способность к целеполаганию, автономность действующего субъекта и др. Разнообразие не сводимых друг к другу признаков порождает плюрализм интерпретаций рациональности, приводя к жизни различные эксплицитные схемы, использующие разные терминологические языки описания рациональности и выступающие предметом дискуссий среди социологов. В ходе таких дискуссий высветился ряд проблем, решение которых имеет значение для развития социологического знания. Среди них выделяются следующие основные проблемы, ставшие актуальными направлениями социологического изучения рациональности:

проблема дефиниции рациональности, выраженная в существовании различных, нередко конфликтующих ее определений: объект, признанный рациональным в рамках одной дефиниции, может быть одновременно определен как иррациональный в рамках другой. Ключевым аспектом данной проблемы выступает проблема существенного признака рациональности, выражающего ее качественную определен-

ность. Как показывает анализ социологической литературы по проблеме рациональности, поиск и формализация данного признака до настоящего времени связаны со значительными затруднениями;

проблема обоснованности критериев рациональности. Существенные затруднения возникают и при попытках ответить на вопрос, *почему* те или иные признаки должны быть маркированы как признаки рациональности. Как правило, социологи не стремятся к осуществлению критической рефлексии в отношении таких признаков, считая их априорным знанием или апеллируя к научной традиции, связанной с именами классиков социологии. Вместе с тем, вопрос о том, почему рациональность должна быть сведена к конкретному признаку, далеко не праздный: во-первых, научное знание – это знание не априорное, а выводное, во-вторых, ответ на него является необходимым условием изыскания существенного признака рациональности, выступающего ее универсально-объективным референтом;

проблема общей теории рациональности выражена в несистемном использовании различных эксплицитных схем, которые применяются для интерпретации рациональности в социологии. Данные схемы оформляют научный интерес к предмету, раскрывают отдельные содержательные стороны рациональности и выступают необходимым условием ее системного осмысления. Вместе с тем, они не исчерпывают научную концептуализацию рациональности, а их конфликт-

ность заставляет признать их «разрозненными неинтегрированными фрагментами знаний». Но, по выражению Т. Парсонса, «*знание является научным лишь тогда, когда эти фрагменты интегрируются в ясно очерченные теоретические системы*»³;

проблема освобождения категории рациональности от оценочных суждений. Принцип свободы от оценки устанавливает необходимость освобождения научных категорий от субъективных оценок, обусловленных личными пристрастиями исследователей. Анализ социологических дефиниций рациональности приводит к выводу, что во мнениях исследователей понятие рациональности, как правило, связано с положительными оценками социальных объектов и явлений, а понятие иррациональности, напротив, выражает отрицательную их оценку. Данное обстоятельство делает проблематичным научный статус категории рациональности, когда она престаёт быть результатом научного наблюдения за фактами и превращается в инструмент выражения исследователями субъективных оценок объектов действительности;

проблема статуса рациональности в социальной системе связана с вопросом о способе ее существования: следует ли считать рациональность характеристикой социального поведения индивида, его познавательной деятельности или необходимо утверждать ее как фундаментальное свойство социальной реальности? Так, рациональность обсуждается

³ Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., 2002. – С. 59–60.

исследователями в онтологическом и гносеологическом аспектах. В первом случае рациональность интерпретируется как объективное свойство реальности, законосообразность, способ самореференции и саморегуляции социальных систем, во втором – утверждаются когнитивные критерии рациональности, характеризующие познавательную, интерпретирующую, социально-преобразующую деятельность социального субъекта.

Указанные проблемы обуславливают существование теоретического плюрализма в изучении рациональности, что, наряду с известными достоинствами, создает теоретико-методологическую проблему, выраженную в отсутствии общей теории рациональности. Подобная теория не может быть сведена ни к одному из существующих подходов к проблеме рациональности, но должна использовать их познавательные возможности, устанавливая отношение взаимодополнительности между ними. Данные обстоятельства делают актуальной необходимость формирования общей социологической теории рациональности, в рамках которой будет найден инвариантный признак и сформирован метаязык описания рациональности, объединяющий разные эксплицитные схемы в общую теоретическую модель.

На проблему плюрализма версий рациональности и необходимость общей ее теории неоднократно указано в рамках философского дискурса. Так, Н.С. Автономова, рассматривая рациональность как философскую проблему, различает

прагматико-функционалистический и ценностно-гуманитаристический подходы к пониманию рациональности в философии и обосновывает необходимость концепции единой рациональности, понимая рациональность как единство рас-судка и разума⁴. В.Г. Федотова указывает на существование отрицательных последствий теоретического плюрализма в решении вопроса о рациональности. «Вместо того, чтобы увидеть в каждом представлении о рациональном, соответствующем определенному типу деятельности, выражение всеобщего, его принимают за это всеобщее и навязывают другим областям»⁵. Данное всеобщее, по мысли указанного автора, в конкретно-исторических формах выражено в структуре мышления и деятельности, предметно-орудийной и понятийной реальностях. Такое понимание сущности рационального приводит В.Г. Федотову к утверждению методологического принципа его исследования, устанавливающего единство когнитивных и социальных критериев рациональности. По мнению В.С. Швырева, конструктивность подведения форм рациональности под общее «инвариантное» понятие рациональности связана с «общей принципиальной ориентацией рационального познания и действия на сознательно культивируемую ответственность перед вызова-

⁴ Автономова Н. С. Рациональность: наука, философия, жизнь // Рациональность как предмет философского исследования. – М., 1995. – С. 48–76.

⁵ Федотова В. Г. Социальная рациональность и демократическое общество // Рациональность на репертуе: в 2 кн. Кн. 1. – М., 1999. – С. 237.

ми Реальности, в которую «вписаны» люди в своем познании и жизнедеятельности, их самокритичность и рефлексивность в соответствующих проблемных ситуациях»⁶. Б.В. Асатрян, обращая внимание на существующее многообразие подходов к интерпретации социальной рациональности и, с другой стороны, на отсутствие ее целостной концепции, предпринимает попытку решения названной проблемы на основе подхода, предполагающего синтез целерациональности, ценностной рациональности и рациональности деятельностного подхода⁷.

На проблему плюрализма в решении проблемы рациональности указано и в рамках социологического дискурса⁸. Вместе с тем в социологии проблема общей теории рациональности до настоящего времени не получила подробной разработки. В социологической литературе используется значительное количество разных интерпретаций рацио-

⁶ Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. – М., 2003. – С. 7.

⁷ Асатрян Б. В. Социальная рациональность в системе интерпретации развития общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Таганрог, 2007. – С. 6–7.

⁸ Hennen M. Keise der Rationalität – Dilemma der Sociologie: Zur Kritische Rezeption Max Webers. – Stuttgart, 1976. – S. 13–14; Шютц А. Проблема рациональности в современном мире // Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; научн. ред. перевода Г.С. Батыгин. – М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2003. – С. 174–177; Boudon R. A Critical Dictionary of Sociology. – Chicago: University of Chicago Press, 1989. – P. 285–292 и др.

нальности, существенно отличающиеся друг от друга. Рациональное обсуждается как логически обоснованное, осознанное, выражающее логическую связь цели и средств (М. Вебер, В. Парето, Н.И. Лапин, О.Т. Вите, Е.А. Мамчур); как оформленные, законосообразные содержания реальности (Н.С. Мудрагей, Т.И. Ойзерман, В.Д. Комаров, Т.А. Феньвеш, Н.Е. Покровский); как эффективность, определяемая как способность избранных действий, средств и структур обеспечить достижение цели в конкретных условиях (А.Л. Никифоров, Р.Д. Хунагов, Н. Генов, М. Олсон); как характеристика теоретически осознанного, упорядоченного, непротиворечивого содержания, противостоящего эмоциональному, противоречивому, аффективному (Ж.Т. Тощенко, В.Г. Немировский, Т.И. Заславская, Б. Вальденфельс); как коррелят истинности (Б.И. Липский, Т. Парсонс, Б. Фливерберг); как нормативность, стандартизованность, конвенциональность (А.И. Ракитов, В. Пироженов, А.Б. Белозеров, Л.Д. Гудков, Дж. Ритцер); как способность к целеполаганию (К. Маркс, В.С. Швырев, С.В. Маслова); как характеристика действующих социальных субъектов, состоящая в их способности свободно и самостоятельно управлять своим поведением, действовать автономно.

В рамках социологического дискурса активно используется понятие социальной рациональности, которое также не получило единой системы интерпретации его содержания. В рамках одних определений социальная рациональность об-

суждается как тип рациональности, выражающий совокупность стандартов социально-группового поведения, обслуживающих социально значимые для данного социума цели. Другие определения связывают социальную рациональность с познавательной, социально-преобразующей деятельностью индивидов и групп. Третьи определения интерпретируют социальную рациональность как способ функционирования социальных систем, выраженный в их структурной логике, способности к самореференции и саморегуляции. Иные авторы, применяя термин «рациональность», не приводят его дефиниции, что существенно затрудняет понимание их текстов.

Указанные интерпретации, а также различные варианты их синтеза легли в основу различных версий рациональности, имеющих место в общественных и гуманитарных науках. Среди них рациональность обыденной жизни (Б. Вальденфельс), модель ограниченной рациональности (Н. Simon), «модель разумной достаточности» (А.А. Шевченко, Т. Принсен), теория «greem» (теория шести признаков рациональности поведения: resourceful, restricted, expecting, evaluating, motivated, meaning (S. Lindenberg)), теория переменной рациональности (Н. Leibenstein), концепция абсентеистской рациональности (О.А. Кармадонов) и др. Многие авторы рассматривают рациональность как характеристику социального поведения человека, обсуждая ее в терминах теории принятия решений (Т.А. Индина, В.И. Моросано-

ва, A. Grandori, M. Boumans), теории рационального выбора (S. Segre, М.Ю. Казачков, J. Elster, H. Best, G. Mehlkop, P. Graeff, Г.И. Рузавин), теории игр (I. Back, A. Flache, J. Weesie, C. Snijders, V. Buskens), модели выбора фрейма (С. Kroneberg, M. Yaish, V. Stocké), теории ожидаемой субъективной полезности (H. Esser и др.), как проблему когнитивных контактов в системах социального взаимодействия, связанную с интерпретацией социальными акторами знаний и поведения (P. Stone, H. Gintis).

Выделяется ряд работ, обсуждающих отраслевые теории рациональности, разрабатываемые в рамках той или иной сферы социальной практики: инженерная и технологическая рациональность (В.Д. Комаров, Е.Е. Елькина, В.П. Котенко), научная (С. Matheson, А.Ф. Зотов, И.С. Панкратов, В. Пироженко), экологическая (**environmental**) (T. Prinsen, F. Nobre, D. Walker, R. Harris), экономическая (Э. Калинин, Е. Чиркова, Н.Н. Покровская, А.Н. Сорочайкин, А.В. Филатова), юридическая (Т.П. Агафонова, А.Ю. Мамычев, В.В. Попов), педагогическая рациональность (Л.В. Ведмич).

Приведенные значения рациональности не исчерпывают всех возможных ее интерпретаций. Вместе с тем, уже упомянутые выше значения отличаются друг от друга, что существенно затрудняет их операциональное использование при изучении социальных объектов сквозь призму оппозиции «рациональное – иррациональное». В связи с этим не случайно многие исследователи говорят о кризисе рациональ-

ности, состоящем в ее релятивности⁹. Таким образом, по выражению Б. Герта, имеет место произвол в употреблении понятия рациональности¹⁰.

Вместе с тем, на современном постнеклассическом этапе своего развития социология использует познавательные модели, которые имеют эвристический потенциал, позволяющий под новым углом зрения рассмотреть проблему рациональности и получить значимые для научной теории и практики результаты. Таков универсумный социологический подход, разрабатываемый В.Г. Немировским и его единомышленниками¹¹, воплотивший основные теоретико-методологические принципы постнеклассической социологии. Универсумный подход опирается на диатропическую познавательную модель, делающую акцент на общих свойствах разнообразий. Построенный на основании указанной модели

⁹ Мурейко Л. В. К проблеме рациональности массового сознания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 117. – С. 126; Абдула А. И. «Кризис рациональности» в контексте противостояния рационализма и иррационализма // Актуальні проблеми духовності: збірка наукових праць. Вип. 6 / М-во освіти і науки України, Криворізький держ. пед. ун-т ; відп. ред. Я. В. Шрамко. – Кривий Ріг, 2005. – С. 42–43; Заикин А. А. Кризис рациональности и новые подходы в ее понимании // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. Гуманитарные науки. – Таганрог 2010. – №2. – С. 46–51.

¹⁰ Герт Б. Рациональное и иррациональное в поведении человека // Мораль и рациональность. – М., 1995. – С. 259.

¹¹ Немировский В. Г., Сергеев М. И. Развитие социологической науки в Красноярском крае // Социологические исследования. – 2008. – №7. – С. 149–150.

диатропический принцип минимального универсума¹² способен выступить актуальным инструментом изучения рациональности социальных систем и позволяет не только предложить решение проблемы универсально-объективного референта рациональности, эксплицировать ее структурно-динамические качества, но и установить взаимодополнительность существующих подходов к ее пониманию. Таким образом, в современной социологической науке сложилась ситуация, когда, с одной стороны, имеется ряд актуальных проблем в социологическом изучении рациональности, с другой – сформировались теоретические предпосылки их системного осмысления, категориальной формализации рациональности на основе применения методологических принципов постнеклассической (универсумной) социологии.

В данном монографическом исследовании мы намерены показать возможности постнеклассического (универсумного) социологического подхода в исследовании проблемы рациональности, продемонстрировать основные теоретические результаты, полученные в ходе его применения. Такие

¹² Немировский В. Г. Универсумная парадигма современной российской социологии как перспектива развития // Социология. Научно-теоретический журнал. – Минск, 2004. – №1. – С. 39–49; Nemirovskiy V. G. The Interdisciplinary Perspectives of the Contemporary Post-Non-Classical Sociology / The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences. – 2007. – Vol. 2. – Num.1.; Nemirovskiy V. G. The Theoretical-methodological Foundations of Post-non-Classical Approaches in the Contemporary Russian Sociology / Humanities & Social Sciences: Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2008. – № 1. – С. 77–90.

результаты приводят к утверждению рациональности как фундаментальной характеристики социальных систем, необходимого их элемента, образующего в совокупности с иррациональными содержаниями актуальные ситуации их существования и развития.

§1. Проблема дефиниции рациональности: современное состояние

Проблема дефиниции рациональности, напомним, состоит в теоретическом плюрализме в интерпретации содержания понятия «рациональность», имеющем место в современной социологической науке. Характеристика современного состояния данной проблемы предполагает экспликацию основных определений рациональности, использующихся сегодня в социологии. При этом подробное рассмотрение истории и содержания философских концепций рациональности находится за пределами нашей задачи. Такие концепции – значительный по своему объему и сложности пласт научного содержания, всесторонняя экспликация которого увела бы нас в сторону от основной линии изложения. Тем более, что в философских науках нет недостатка в качественных историко-аналитических обзорах проблемы рациональности, в том числе раскрывающих современное состояние философского дискурса по ее поводу¹³. Согласно таким об-

¹³ Порус В. Н. Рациональность // Новейшая философская энциклопедия / Институт философии РАН [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/2555.html>. Дата обращения: 08.06.2013; Григоренко Д. Е. Проблема социальной рациональности в современной философии // Общество, культура, твор-

зорам основные философские экспликации рациональности в настоящее время сводятся к следующему ряду ключевых проблем: обусловленность решения проблемы рациональности содержанием той или иной философско-методологической концепции; проблема смысла «разумности» как предикации (бытия, действия, отношения, цели и т.д.); проблема критериев и связанная с ней проблема типологии рациональности; проблема демаркации как проблема определения границ науки и научной деятельности с помощью однозначных критериев рациональности; проблема плюрализма моделей рациональности (проблема универсально-объективного референта); проблема общего философско-методологического подхода к изучению рациональности; парадокс отношения между «критериальной» и «критико-рефлексивной» рациональностью; проблема отношения к рациональности как к ценности культуры; проблема современного понимания рационализма и его познавательных возможностей и др.

В современной социологии присутствует широкий набор различных интерпретаций содержания понятия «рациональность». Далее приведем основные интерпретации, социоло-

чество в контексте проблемы социальной рациональности: монография. – Красноярск: филиал НОУ ВПО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Красноярске, 2010. – С. 130–138; Моисеев Н. Н. Современный рационализм и мировоззренческие парадигмы // Общественные науки и современность. – 1994. – № 3. – С. 77–87; Рациональность как предмет философского исследования. – М., 1995. – 225 с.; Касавин И. Т., Сокулер З. А. Рациональность в познании и практике. Критический очерк. – М.: Наука, 1989. – С.8–48.

гические по своему содержанию.

1. Рациональность как характеристика теоретически осознанного, упорядоченного, непротиворечивого содержания, противостоящего эмоциональному, противоречивому, аффективному. На рациональное как элемент реального общественного сознания указывает Ж.Т. Тощенко. Рациональное в данном случае выступает как упорядоченное, опосредованное, обобщающее, близкое научному теоретическому сознанию в противовес эмоциональному компоненту, стихийному, связанному с непосредственным впечатлением, сиюминутным воздействием¹⁴. При этом рациональность способна трансформироваться в свою противоположность в контексте парадоксов общественного сознания, когда действия, сами по себе в отдельности являющиеся рациональными, будучи соединены, обнаруживают несогласованность, противоположность, несовместимость друг с другом¹⁵. В.Г. Немировский с точки зрения диатропического принципа минимального универсума выделяет рациональные и эмоциональные элементы в массовом сознании. Первые связаны с конгнитивными элементами ценностных ориентаций, присутствующих в массовом сознании, вторые содержат аффективные их компоненты¹⁶. Т.И. Заславская,

¹⁴ Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – С.26.

¹⁵ Там же. – С.73.

¹⁶ Немировский В. Г. Массовое сознание и бессознательное как объект постне-

раскрывая содержание понятия «трансформационная активность общества», указывает на составляющие его рациональные и иррациональные реакции социальных субъектов. При этом первые выступают как продуманная, взвешенная реакция, связанная с осознанным выбором, в то время как вторые являются аффективно-эмоциональными или раздражательными¹⁷. По мнению В.В. Колбановского, рациональное отличают от иррационального признаки разумности, осмысленности, логичности¹⁸. Согласно определению, сформулированному Б. Вальденфельсом, рациональность в широком смысле есть «то, что воплощается в смысловые, правильные, регулярно повторяющиеся, рассудочно-прозрачные взаимосвязи, которые существуют в различных полях и стилях рациональности»¹⁹.

2. Рациональность как коррелят истинности. Рациональными признаются рассуждения, смыслы, действия, знание, которые соответствуют истине, взятой в значении какого-либо образца, эталона: «чем ближе к истине наше рассуж-

классической социологии // Социологические исследования. – 2006. – №2. – С. 16.

¹⁷ Заславская Т. И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России // Социологические исследования. – 2002. – №8. – С.13.

¹⁸ Колбановский В. В. Иррациональность и консерватизм // Вопросы социологии. – 1996. – №6. – С.83.

¹⁹ Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // СОЦИОЛОГОС: пер. с англ., нем., франц. / сост., общ. ред. и предисл. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. – М.: Прогресс, 1991. – С. 41.

дение, тем оно рациональнее, и, наоборот, чем оно рациональнее, тем ближе к истине»²⁰. Такие образцы могут иметь различное содержание: универсальный закон, стандарты когнитивной деятельности, социальная консолидация, верифицируемость знания и др. Проблематизация истинности как критерия рациональности обуславливает существование различных версий последней.

Так, по мнению Б.И. Липского, существование различных версий рациональности связано с проблематизацией отношения рациональности и истинности. Такая проблематизация привела к жизни три подхода к пониманию рациональности: рациональность как соответствие универсальным структурам разума (структурная рациональность), рациональность как соответствие универсальным принципам единой нормативной методологии (операциональная рациональность), рациональность как функциональное соответствие определенной социокультурной системе (функциональная рациональность)²¹. Полагая разум как фундаментальную основу бытия и мышления, структурная рациональность выражает соответствие познавательного акта универсальному закону (идеальному проекту), установленному

²⁰ Липский, Б. И. Рациональность, истина, коммуникация // Человек-Философия-Гуманизм: Тезисы докладов и выступлений Первого Российского философского конгресса (4–7 июня 1997 г.): Т. 3. Онтология, гносеология, логика и аналитическая философия – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1997. – С. 85.

²¹ Там же. – С. 85.

трансцендентным субъектом. Истинность понимается в данном случае как соответствие человеческого знания этому проекту. Тем самым рациональность здесь характеризует качество познавательных актов и знания как их результата. В рамках операциональной рациональности истина понимается как соответствие познавательного акта логическим и методологическим приемам и правилам достижения знания. Такие приемы и правила обеспечивают систематичность и внутреннюю согласованность познавательного акта, что и определяется как рациональность. Таким образом, рациональность выражена здесь в виде стандартов и норм осуществления познавательной деятельности. Мышление, построенное по схемам структурной и операциональной рациональностей, Б.И. Липский характеризует как безлично-монологическое, игнорирующее коммуникативные аспекты²². На преодоление данного ограничения направлена концепция функциональной рациональности, предполагающая обращение к личностно модулированным структурам сознания и общения. Здесь, в контексте «новой рациональности», «истина выступает как практическое основание социальной консолидации, которая всегда принадлежит к определенному народу, времени, культуре», а ее критерием становится признание максимально широким кругом людей²³. Тем самым рациональность в данном случае приобретает значе-

²² Там же. – С. 86.

²³ Там же. – С. 87.

ние социальной нормы, отражающей социокультурные особенности обществ и обеспечивающей социальную солидарность.

Рациональность в значении истинности (как соответствие знания действительности) обсуждается Т. Парсонсом в рамках утилитаристской теории социального действия²⁴. В данном контексте разумным социальное действие является тогда, когда актер обладает научно верифицируемым знанием условий ситуации, в которых он действует. Актор становится здесь своего рода ученым-исследователем, получающим истинное знание. Обладание таким знанием делает актора способным достигать поставленных целей. Отклонение от рациональной нормы действия связано с неадекватностью знания, которое имеется в распоряжении актора, – невежеством последнего и (или) ошибочными соображениями (ошибочными с позиции более широкого знания). Использование неадекватного знания приводит к тому, что актер действует иначе, чем действовал бы, имея знание адекватное.

Рациональность как знание, соответствующее действительности, предстает в работе Б. Фливерга. Обсуждая отношения рациональности и власти, данный автор указывает, что власть способна «определять» рациональность, искажая «реальную» рациональность как действительное поло-

²⁴ Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., 2002 – С. 116–123.

жение вещей²⁵. Такая искаженная рациональность подчиняется идеологической программе власти. Последняя способна стать фактором, препятствующим эффективному взаимодействию социологической науки (как сферы истинного знания об обществе) и общества²⁶. Истинность и осмысленность (знание, теоретическая осознанность) объединены в интерпретации рациональности А.Г. Здравомысловым. Данные признаки конституируют рациональность как культурную ценность, основания которой связаны со способностью человека к коммуникации²⁷. «Если мы признаем в качестве основной ценности культуры Знание, то мы стоим на позициях принципа рациональности»²⁸.

Интерпретация рациональности в значении истинности существенно сужает возможности операционального использования данной категории для изучения социальных систем. Выбор истины (образца, маркирующего рациональность) в рамках такого подхода остается в известном смысле произвольным: авторы не подвергают сомнению законность

²⁵ Фливерберг Б. Рациональность и власть: еще раз о кейс-стади // Социологические исследования. – 2007. – №1. – С. 64–67.

²⁶ Тощенко Ж. Т., Романовский Н. В. Публичная или профессионально-публичная социология? // Социологические исследования. – 2009. – №4. – С. 25.

²⁷ Здравомыслов А. Г. Принцип рациональности в современной социологической теории (гносеологические и культурологические основания) // Социологические исследования. – 1990. – № 12.

²⁸ Здравомыслов А. Г. Рациональность и властные отношения // Вопросы социологии. – 1996. – №6. – С.8.

интерпретации рациональности как истинности, ссылаясь на интуитивное понимание данного обстоятельства. Более того, рассуждения, признанные истинными в рамках одного образца рациональности, могут оказаться ложными (иррациональными) в рамках другого. Например, вновь созданная научная теория, являющаяся рациональной в смысле ее соответствия стандартам познавательной деятельности, может не способствовать социальной консолидации, а, напротив, порождать конфликты и разобщенность в обществе (следовательно, быть иррациональной). С другой стороны, суждения, получившие существование на уровне массового сознания и способствующие консолидации отдельных общностей и общества в целом, могут не иметь признака законосообразности и не соответствовать стандартам когнитивной деятельности, что неоднократно имело место в истории обществ. Тем самым, рациональное может оказаться иррациональным, а истина – ложью. Таким образом, интерпретация рациональности как коррелята истинности не способствует синтезу подходов к пониманию рациональности, а, напротив, утверждает их плюралистичность.

3. Рациональность как целесообразность. Рациональность в данном понимании выступает как выражение объективированной тем или иным образом связи цели деятельности и средств ее достижения. Рационализация предполагает осознание цели деятельности, логическое соотнесение цели, средств и последствий ее достижения. На данном

основании В. Парето построил классификацию логических и нелогических действий. Собственно логическими итальянский социолог считает действия, логическое соответствие цели и средств в которых очевидно не только для действующего субъекта, но и для «тех, кто обладают более обширными познаниями», т.е. в данном смысле объективировано²⁹. Иные действия он классифицирует как нелогические. Вместе с тем, В. Парето подчеркивает, что нелогические действия не следует отождествлять с алогическими. Так, действия, соотношение цели и средств в которых не становится объективированным в указанном выше смысле, но артикулировано в контексте некоторых индивидуальных сознаний, предстают в его концепции как субъективно логические. Таким образом, в той или иной мере логическими в концепции В. Парето являются действия, соотношение цели и средств в которых осознано индивидуальным и групповым субъектом социального действия, а субъективная цель идентична цели объективной.

В данной интерпретации рациональность предстает также в теории социального действия М. Вебера. Социолог связывает рациональность с «интеллектуальным пониманием», которое позволяет сконструировать модель связи цели и средств (идеальный тип), выражающую целерациональный

²⁹ Парето В. Компендиум по общей социологии / пер. с итал. А.А. Зотова. – М., 2008. – С. 30–31.

тип социального действия³⁰. Как отмечает Ю.Н. Давыдов, рациональность у Вебера выражает предельную целесообразность, максимальное соответствие целей и средств их достижения в любой из сфер человеческой деятельности³¹. Другие типы социального действия характеризуются различной степенью иррациональности. Упомянутая модель служит для «измерения» эмпирически фиксируемого поведения социальных субъектов для выявления отклонения от нормы связи цели и средств (иррациональности), что приводит к пониманию наблюдаемых фактов³²

³⁰ Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. – М.: Наука, 1990. – С. 604–605.

³¹ Давыдов Ю. Н. М. Вебер и проблема интерпретации рациональности // Вопросы социологии. – 1996. – Вып. 6 – С.71–77.

³² Вебер М. О некоторых категориях «понимающей» социологии // Избранные произведения. – М.: Наука, 1990. – С. 497.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.